

Л. П. КРЫСИН

К СОЦИАЛЬНЫМ РАЗЛИЧИЯМ В ИСПОЛЗОВАНИИ ЯЗЫКОВЫХ ВАРИАНТОВ*

В современном русском литературном языке существуют варианты, допускаемые нормой в качестве стилистически дифференцированных или полностью дублетных единиц. Обычно варианты составляют вариативную пару или, реже, вариативный ряд; совокупности таких пар и рядов характерны для разных ярусов языковой структуры¹. Например: [з'в']ерь/[зв']ерь, ле[с'н']ик/ле[сн']ик, [шы⁹]ги/[ша]ги, э[н]ергия/э[н']ергия; ре́ку/реку́, ведомо́стей/ведомостей, поме́стится/поместится, собра́лись/собрáлись; чаю/чая, тракторы/тракторá, в отпуске/в отпуску, каплет/капает, гаснул/гас; резка/резание, плотничий/плотницкий/плотнический, лицемерить/лицемерничать; по пяти рублей/по пять рублей, отзы́в о чем/отзыв на что, указать что/указать на что и т. п.

Для того чтобы выяснить, как распределены среди носителей современного литературного языка варианты такого типа, зависит ли их распределение от социальной характеристики говорящих и, если зависит, каково количественное соотношение вариантов в разных социальных группах, — было предпринято специальное исследование. Основным его инструментом явились лингвистические вопросники, составленные в Институте русского языка АН СССР по инициативе и под руководством М. В. Панова². Полученный с помощью этих вопросников материал и послужил базой для проверки главной исходной гипотезы — гипотезы о том, что распределение допустимых нормой вариантов зависит от территориальной, возрастной, профессиональной, образовательной и т. п. — словом, от социальных, в широком смысле, характеристик говорящих.

Цель настоящей статьи — сообщить некоторые результаты работы. Поэтому мы не будем касаться проблем, связанных с теоретическим

* Эта статья написана на материале фонетического и морфологического разделов монографии «Русский язык по данным массового обследования (опыт социально-лингвистического изучения)», выполненный в 1970 г. в Институте русского языка АН СССР под руководством автора коллективом сотрудников в составе В. Л. Воронцовой, М. Я. Гловинской, Е. И. Голановой, Н. Е. Ильиной, М. В. Китайгородской, Л. П. Крысина и С. М. Кузьминой.

¹ Вопрос о вариантах в лексике связан с проблемой разграничения разных типов синонимов. Чтобы сохранить понятие варианта для называния формально варьирующих единиц всех ярусов, можно отнести к лексическим вариантам (в нашем смысле) полные синонимы, т. е. слова с одинаковым толкованием и совпадающей синтаксической, семантической и лексической сочетаемостью. Так как в этой статье и в указанной монографии лексические варианты не рассматриваются, воздержимся от более подробного обсуждения вопроса о вариантах в лексике, ограничившись этим общим замечанием.

² См.: «Вопросник по современному русскому литературному произношению», сост. М. В. Панов, М., 1960; «Вопросник по современной русской морфологии», отв. ред. И. П. Мучник, М., 1963; «Вопросник по современному русскому словообразованию», сост. Р. В. Бахурина, отв. ред. Е. А. Земская, М., 1963; «Вопросник по лексике современного русского языка», отв. ред. Д. Н. Шмелев, М., 1964.

обоснованием методики письменного опроса и практическим применением ее в нашем исследовании; они освещены в ряде опубликованных работ³.

В соответствии с аргументацией, содержащейся в этих работах, мы считаем материал, полученный с помощью вопросников, достаточно репрезентативным в том отношении, что он позволяет судить о количественном распределении вариантов в различных социальных группах говорящих.

Так как все носители языка, служившие нам информантами, при ответе на вопросники были поставлены в одинаковые ситуативно-контекстные условия, то сам собой отпал вопрос о таких расхождениях в ответах, которые были бы обусловлены контекстно-стилистическими различиями (с подобными различиями мы неизбежно столкнулись бы при изучении естественной, спонтанной и подготовленной, речи)⁴.

Таким образом, ответы на вопросники содержат однородный в лингвистическом отношении материал, что в данном случае является положительным моментом, так как появляется возможность проанализировать социально обусловленные языковые различия между говорящими «в чистом виде», не осложненные различиями контекстными, ситуативными и т. п.

Была обследована совокупность носителей современного русского литературного языка, при выделении которой из состава всех говорящих по-русски применялись следующие три критерия: 1) лица, для которых русский язык является родным и которые с детства живут в русскоязычной среде, 2) жители городов, 3) имеющие высшее или среднее образование, полученное в учебных заведениях с преподаванием на русском языке⁵. Было принято, что необходимы и достаточны все три признака; ни один из них в отдельности не является основанием для включения того или иного лица или группы лиц в указанную совокупность.

Из совокупности методом квот⁶ были сделаны выборки, колеблющиеся по численности (в зависимости от вида распространявшихся вопросников) в пределах от 18 000 до 12 000 человек. Процент возвращенных заполненных вопросников составил в разных случаях приблизительно 20—30%. Некоторые из возвращенных экземпляров пришлось отсеять по причинам методического и лингвистического характера⁷. В результате материал, на котором базируется исследование, составили ответы

³ См.: «Русский язык и советское общество. Лексика современного русского литературного языка», М., 1968, §§ 19—22; Л. П. Крысин, Русский язык по данным массового опроса. Проспект, М., 1968, раздел «Методы собирания материала»; М. В. Панов, О том, как составлялся вопросник по произношению, сб. «Развитие фонетики современного русского языка», М., 1971; Г. А. Барина, Н. Е. Ильина, С. М. Кузьмина, О том, как проверялся вопросник по произношению, там же.

⁴ Ср. методику, применяемую У. Лабовом: при изучении фонетических вариантов в современном American English наряду с социальной характеристикой говорящих он учитывает и различия в жанре речи: непринужденный разговор, подготовленная беседа, интервью, чтение текста или списка слов и т. д. (см.: W. Labov, The social stratification of English in New York City, Washington, 1966).

⁵ Подробнее об этом см.: Л. П. Крысин, Русский язык по данным массового опроса, стр. 14—16, а также: Е. А. Земская, Русская разговорная речь. Проспект, М., 1968, стр. 37.

⁶ О способах выборочного обследования, а также специально о методе квот (или, иначе, о стратифицированной выборке) см., например: Ф. Йейтс, Выборочный метод в переписях и обследованиях, М., 1965; Б. А. Грушин, Мнения о мире и мир мнений, М., 1967 и др.

⁷ См., например, особенность построения вопросника по произношению, заставляющую исследователя исключать из анализа ответы тех лиц, которые обнаружили в контрольных вопросах следы влияния на их речь диалектных или иноязычных произносительных черт (см. об этом: М. В. Панов, О том, как составлялся вопросник по произношению, стр. 295).

2000—4500 человек, представляющих разные возрастные, профессионально-образовательные и территориальные группы носителей современного литературного языка.

Полученные данные подтверждают гипотезу о том, что распределение языковых вариантов в среде носителей литературного языка зависит от социальной характеристики говорящих. В подавляющем большинстве случаев социальным различиям соответствуют количественные различия в распределении вариантов. При этом разные признаки (например, возраст, профессия, территориальная характеристика носителя языка) в неодинаковой степени обуславливают это распределение.

1. Территориальные различия. Одной из наиболее очевидных является зависимость количественного распределения литературно-языковых вариантов от территориальной неоднородности говорящих⁸.

При изучении этой зависимости мы исходили из следующих положений.

Современная литературная норма едина и общеобязательна для всех носителей литературного языка. В большинстве случаев ею рекомендуются к употреблению строго определенные формы языковых средств: [п'и'с'о́к], а не [п'ес'о́к], [б'ьр'ада́], а не [борода́] или [бл'рада́], [г'о́ры], а не [г'у́ры], [ла́фкь], а не [ла́ўка] («лавка»), *докуме́нт* (а не *доку́мент*), *выбо́ры* (а не *выбора́*), *неско́лько мест* (а не *неско́лько местов*) и т. п.

Отклонения от этих рекомендаций рассматриваются как нарушение нормы.

Однако в пределах литературной речи существуют достаточно многочисленные варианты: и одна, и другая форма выражения считаются нормативными (примеры см. в начале статьи).

Такое положение нисколько не противоречит статусу литературного языка. Напротив, «допустимость исторически обусловленных вариантов, — как писал А. Едличка, — вообще не может быть подвергнута сомнению, она связана с признанием динамического характера норм, с признанием эволюционных процессов, совершающихся в литературном языке. Включение исторически обусловленных вариантов в норму должно рассматриваться как средство снять противоречие между статичной по своей сущности кодификацией и динамикой нормы, как средство отразить внутреннюю динамику нормы. Развитие нормы совершается именно благодаря вариантам, они являются, как правило, переходными формами от одного качества к другому...»⁹.

Как сложное целое, организованное по принципу последовательной нормативности и выполняющее чрезвычайно многообразные социальные функции, литературный язык сильно отличается от местных диалектов, которые не подвергаются сознательной кодификации и обслуживают гораздо более узкий круг коммуникативных потребностей. Однако диахронически литературный язык связан с говорами тесными узами: именно

⁸ На территориальное варьирование литературного языка обращали внимание многие исследователи. Так как в задачу настоящей статьи не входит обзор мнений по данному вопросу, сошлемся лишь на некоторые работы, рассматривающие вопросы географического членения литературного языка; см., например, обзор Р. Р. Гельгардта «О литературном языке в географической проекции» (ВЯ, 1959, 3), содержащий богатую библиографию, а также исследования последних лет: Н. Б. Паркова, О южнорусском варианте литературной речи, сб. «Развитие фонетики современного русского литературного языка», М., 1966; К. И. Чуркина, Эволюция произносительных норм в речи интеллигенции г. Красноярска. Автореф. канд. диссерт., Новосибирск, 1969; Т. И. Ерофеева, О территориальном варьировании устной формы литературного языка (на материале речи пермской интеллигенции), сб. «Живое слово в русской речи Прикамья», 2, Пермь, 1971, и некот. др.

⁹ А. Едличка, О пражской теории литературного языка, сб. «Пражский лингвистический журнал», М., 1967, стр. 553.

из говорков, а также из просторечия и других подсистем литературная норма черпает новые выразительные средства.

Будучи частями единого русского национального языка, литературный язык и местные говоры, при их принципиальном различии, обнаруживают общие черты — как в наборе элементов (фонем, морфем, слов, конструкций), так и в их сочетаемости. Поэтому, в частности, варианты, допускаемые литературной нормой, коррелируют, хотя и по-разному, с соответствующими явлениями в разных говорах.

Таблица 1

Территориальный признак	Число информантов	Из них предпочитают мягкий вариант (в процентах)					
		[з'л']	[тл']	[г'в']	[з'в']	[з'б']	[с'н']
Москва	850	19,3	32,0	8,3	25,1	13,6	36,6
Моск. область	149	15,2	36,7	7,5	23,2	11,7	34,3
Ленинград	114	22,0	23,7	12,6	27,8	16,6	32,1
Север России	465	36,5	36,1	10,2	38,8	30,2	51,8
Юг России	487	39,1	45,6	15,1	35,8	25,8	40,5

Так, например, если в каком-либо говоре широко представлена форма местного падежа на *-ý* (типа *в погребý, в клубý*), то, по-видимому, в речи носителей литературного языка, живущих на данной территории и так или иначе подверженных влиянию диалектной системы, процент соответствующих вариантов, находящихся в пределах нормы (*в снегý, в медý* и т. п.), должен быть выше, чем в речи других литературно говорящих лиц, которые либо совсем не испытывают диалектного влияния, либо живут в окружении говоров с иными морфологическими особенностями.

Другими словами, на тех территориях, где диалектологами отмечается более интенсивное, чем в остальных местах, проявление того или иного лингвистического признака, — и речь носителей литературного языка обнаруживает более высокий процент явлений, изоморфных или совпадающих с диалектными.

В результате проведенного нами обследования эта закономерность подтвердилась¹⁰.

Так, например, ассимилятивное смягчение согласных, вообще, свойственное современному литературному произношению (ср. [с'н']ег, вб [з'л']е, не [тл']я, [з'в']ерьь, [д'в']е и под.), по нашим данным, несколько больше представлено у тех носителей литературного языка, которые живут в условиях тесных контактов с северными и особенно южными говорами — в средних и небольших городах юга и севера Европейской части СССР; в речи же, например, москвичей и ленинградцев (контакты с говорами ослаблены!) процент вариантов с ассимилятивно смягченными согласными ниже (ср. данные табл. 1¹¹).

¹⁰ Принимались во внимание две территориальные характеристики информанта: место, где прошло его детство, и место его наиболее длительного жительства. Оказалось, что эти характеристики примерно одинаково обуславливают выбор варианта; поэтому ниже мы приведем некоторые результаты распределения вариантов в зависимости от одного признака — места, где прошло детство информанта. (В монографии учитывалась также территориальная характеристика родителей информанта; в настоящей статье зависимость распределения вариантов от этого признака не рассматривается.)

¹¹ Вся совокупность носителей современного русского литературного языка была разделена при обследовании на такие географические зоны: жители Москвы (1), Московской области (2), Ленинграда (3), севернорусских (4) и южнорусских (5) городов, русские жители городов Украины (6) и Прибалтики (7) (обследовалась только Европейская часть СССР). Здесь приводятся данные по первым пяти зонам. Так как мы рассматриваем вариативные пары, то для характеристики их социального распределения достаточно привести данные об одном из вариантов: показатели распределения второго определяются разностью между 100% и числом, указывающим процент первого варианта.

Так же различаются между собой две противопоставленные выше группы и, например, в реализации сочетаний <жа>, <ша> в 1-м предупредительном слого. В литературной норме традиционен вариант [жы^э], [шы^э]; однако в последние десятилетия он вытесняется новым вариантом — [жа], [ша]; произношение гласного <a> после этих двух согласных подравнивается под произношение его после всех остальных твердых согласных¹². Так как традиция наиболее устойчива в центрах литературного языка и поскольку, кроме того, [жы^э], [шы^э] — черта так называемого старомосковского произношения, то естественно, что в речи москвичей процент вариантов с традиционным произношением выше, чем у представителей других территориальных групп; в речи носителей литературного языка, живущих в окружении говоров, значительно преобладание нового варианта¹³ (см. табл. 2).

Таблица 2

Территориальный признак	Средний процент вариантов	
	[шы ^э]	[жы ^э]
Москва	20,8	40,3
Московская обл.	20,1	41,9
Ленинград	15,5	25,2
Север	11,9	21,2
Юг	12,4	25,9

Столь же показательно противопоставление москвичей ленинградцам, а также всем другим территориальным группам носителей литературного языка в распределении вариантов, включающих еще одну характерную черту старомосковского произношения — [ж̄]: почти половина москвичей (40,8%) предпочитает вариант с долгим мягким ж, тогда как среди ленинградцев больше двух третей (70,4%) произносят [ж̄] (среди «северян» и «южан» процент [ж̄] равен соответственно 35,5 и 26,6%).

Различие северных и южных говоров по ряду диалектных признаков отражается, как показывают наши данные, и на речи носителей литературного языка, испытывающей влияние говоров, — в частности, на выборе ими того или иного варианта.

Как известно, появление в глагольных формах типа *налил, обнялся, подружисься* накоренного ударения (вместо традиционно-литературного — на аффиксе) — процесс, обусловленный влиянием южнорусских говоров; сейчас он в сильной степени захватил речь большей части говорящих по-русски, и только среди ленинградцев и жителей севернорусских городов достаточно высок еще процент лиц, которые придерживаются традиционного ударения (ср. табл. 3).

Однако часто та или иная фонетическая или морфологическая черта не локализована, границы ее распространения размыты, нечетки; явление в почти равной степени свойственно как южным, так и северным говорам. В таких случаях и система вариантов литературного языка не обнаруживает существенных локально обусловленных колебаний. Так, например, распределение некоторых морфологических вариантов (см. табл. 4).

2. Различия, обусловленные возрастом говорящих. Все обследованные нами информанты являются представителями таких возрастных групп: (1) родившиеся до 1899 г. включительно, (2) родившиеся в 1900—1909 гг.;

¹² См.: М. В. П а н о в, Русская фонетика, М., 1967, стр. 309.

¹³ Надо иметь в виду, что вариативность [жы^э/жа], [шы^э/ша] в сильной степени обусловлена лексически. Так, если средний процент вариантов [жы^эра] и [шы^эг'и], по нашим данным, равен соответственно 10 и 10,4%, то процент лиц, произносящих [жы^э-к'эт], [жы^э-л'эт'] и [лшы^э-д'эи], достаточно высок: 53,6; 50,8 и 50% соответственно. См. об этом подробнее в кн.: «Русский язык и советское общество. Фонетика...», М., 1968, стр. 34 и сл.

Таблица 3

Территориальный признак	Число информантов	Процент лиц, предпочитающих вариант с накоренным ударением			
		наила	отпила	обнялся	подружился
Москва	945	80,5	84,6	84,5	88,5
Моск. обл.	244	82,5	92,7	84,5	92,3
Ленинград	93	58,0	66,3	76,0	82,8
Север	325	58,5	71,8	74,5	78,8
Юг	696	88,5	91,1	83,5	90,0

Таблица 4

Территориальный признак	Число информантов	Процент лиц, предпочитающих:		
		- и в род. п. ед. ч. (сахару и под.)	- у в предл. п. ед. ч. (в отпуску и под.)	- á в им.п. мн.ч. (тракторá и под.)
Москва	960	30,2	39,5	33,6
Моск. обл.	245	34,6	38,1	35,9
Ленинград	96	28,5	45,7	32,6
Север	324	43,4	42,5	40,0
Юг	670	34,1	45,4	36,0

(3) 1910—1919 гг.; (4) 1920—1929 гг.; (5) 1930—1939 гг.; (6) 1940—1949 гг. рождения. (При кодировании морфологического вопросника в первую возрастную группу были объединены лица, родившиеся до 1909 г. включительно; поэтому здесь возрастных групп на одну меньше, чем при обследовании произношения (ср. рис. 1 и рис. 2), хотя совокупность говорящих та же самая.)

Произносительная норма больше, чем лексические и словоизменительные нормы, зависит от фактора времени: за период меньше столетия (с конца XIX до середины XX вв.) старомосковская норма в значительной степени сдала свои позиции в таких чертах, как произношение гласных в первом предударном слоге (после твердых и после мягких согласных), последовательное сохранение [ж'] на месте <жж> и <жд'>, твердое произношение <с> в возвратной частице -ся (-сь), произношение [шн] на месте чн и некот. др.

Как показывают наблюдения¹⁴, эти произносительные черты не являются не только единственно нормативными, но и просто преобладающими в современной литературной речи.

Исследованный нами фонетический материал неодинаково распределяется по возрастным группам. Однако это распределение не всегда соответствует ожидаемому: только в некоторых случаях представители старшего поколения четко различаются с членами других возрастных групп (первые используют больше традиционные варианты, у вторых обнаруживаются новые произносительные тенденции); в ряде же явлений налично лексическая обусловленность фонетической вариативности: в произношении одних слов количество традиционных вариантов убывает, а в произношении других слов, реализующих то же самое фонетическое явление, их количество, напротив, возрастает.

¹⁴ См., например, «Русский язык и советское общество. Фонетика...». В этой монографии подробно рассмотрены именно возрастные различия в произношении и в употреблении словоизменительных форм; поэтому в данной статье мы ограничимся краткими сведениями о возрастном распределении вариантов.

Так, например, распределение вариантов с ассимилятивным смягчением согласных таково, что в большинстве случаев (см. рис. 1) мы наблюдаем уменьшение у представителей младшего поколения, по сравнению со старшим, числа мягких вариантов. Однако в произношении вариантов с сочетаниями [з'д'], [н'т'], [з'н'], [н'с'], [с'т'] корреляция возрастных групп другая: «пики» наибольшей частоты мягкого варианта приходится либо на 2, либо на 4-ю группы, а в некоторых случаях наблюдается даже некоторое возрастание числа мягких вариантов от старших к младшим ([н'т'], [н'с'], [с'т']).

В распределении вариантов с [ж̄'] отчетливо проявляется отмечаемая исследователями тенденция к вытеснению произношения [ж̄'] произношением [ж̄]; этот процесс, однако, лексически обусловлен: [ж̄'] устойчивее сохраняется в частотных словах, а малочастотные лексемы произносятся преимущественно с [ж̄].

В еще большей степени локализована лексически конкуренция вариантов [ы⁹]/[а] после твердых шипящих: в одних случаях, при общей низкой частоте варианта с [ы⁹], наблюдается некоторое уменьшение количества произносительных форм с этим гласным от старших к младшим (*жара, шалаш, ужаснется*), в других, напротив, — з н а ч и т е л ь н о е у в е л и ч е н и е (*жакет, жалеть, ржаной, лошадей*).

На рис. 2 схематически изображено распределение в возрастных группах м о р ф о л о г и ч е с к и х вариантов.

Как показывают эти графики, глагольные варианты (*каплет/капают* и под., *выздоровею/выздоровлю* и под.) распределяются однотипно: употребительность новых форм (*капаю...*, *выздоровлю...*) увеличивается от старшей возрастной группы к младшей. Такая же тенденция — в распределении акцентных глагольных вариантов с накоренным ударением: личных форм настоящего времени (*дру́жишь, заря́дят* и под.) и форм прошедшего времени от префиксальных глаголов (*на́мил, обня́лся* и под.).

Хотя вариативность флексий *-а/-у* у существительных муж. рода в род. падеже ед. числа лексикализована (например, вариант *сыру* употребляется примерно половина всех обследованных лиц, а форму *пирамидону* всего лишь 3%), — распределение этих вариантов также однотипно (поэтому на рис. 2 представлен график с р е д н и х): наименьший процент форм на *-у* в ответах представителей молодого поколения, чуть выше их употребительность в речи лиц 1, 2 и 3-й групп.

Незначительны межгрупповые колебания и в распределении вариантов *-el-ŭ* в предл. падеже ед. числа, но и здесь наблюдается уменьшение употребительности форм на *-ŭ* у молодого поколения в сравнении со старшими носителями литературного языка (см. рис. 2).

Если рассмотреть варианты именных форм с флексиями *-ы(-и)/-á* (*-я́*) в им. падеже мн. числа, то окажется, что в среднем их распределение не з а в и с и т от возраста говорящих. Между тем, как отмечают все исследователи этого явления¹⁵, экспансия флексии *-á* (*-я́*) и вытеснение ею флексии *-ы* (*-и*) — живой, развивающийся процесс (и, следовательно, в речи молодежи новых форм должно быть больше, чем в речи «стариков»). Выходит, что наши данные противоречат этим наблюде-

¹⁵ См., например: В. И. Чернышев, *Правильность и чистота русской речи*. Пг., 1915, стр. 52 и сл.; С. П. Обнорский, *Именное склонение в современном русском языке*, 2, Л., 1931; А. А. Зализняк, *Русское именное словоизменение*, М., 1967, стр. 222 и сл.; А. С. Фидровская, *К вопросу о процессе и факторах новообразования на -á в именительном падеже множественного числа существительных мужского рода*, *Уч. зап. [Казанск. гос. ун-та]*, 112, 6, 1952; Т. А. Иванова, *Именительный множественного на -а (трактора) в современном русском литературном языке*, в кн.: *Развитие русского языка после Великой Октябрьской социалистической революции*, Л., 1967, и некот. др.

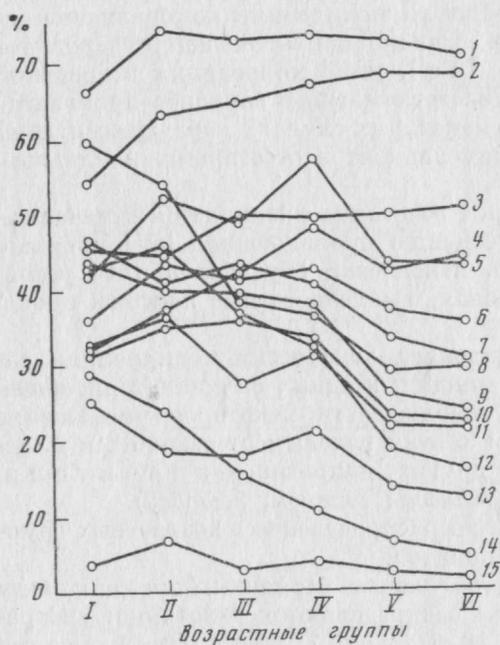

Рис. 1

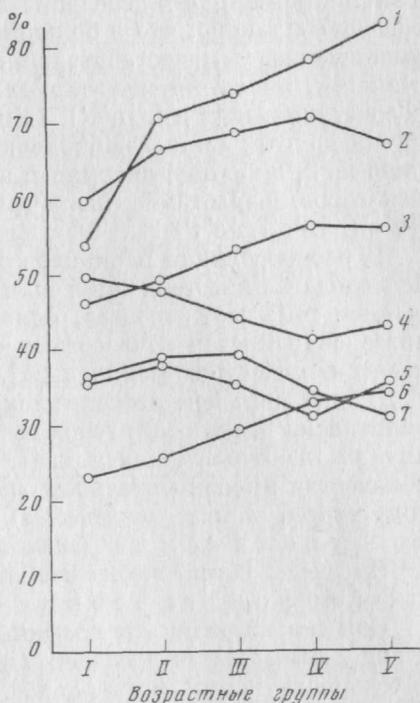

Рис. 2

Рис. 1. Распределение вариантов с ассимилятивным смягчением согласного перед мягким согласным в зависимости от возраста говорящих. Условные обозначения: I — группа родившихся до 1899 г. включительно, II — родившиеся в 1900—1909 гг., III — 1910—1919 гг., IV — 1920—1929 гг., V — 1930—1939 гг., VI — 1940—1949 гг., 1 — среднее соотношение звуко сочетания [з' д'], 2 — [н' т'], 3 — [н' с'], 4 — [с' т'], 5 — [з' н'], 6 — [с' н'], 7 — [н' з'], 8 — [т' л'], 9 — [з' в'], 10 — [з' л'], 11 — [с' л'], 12 — [д' в'] внутри корня, 13 — [с' п'], 14 — [т' в'], 15 — [д' в'] на стыке морф

Рис. 2. Распределение морфологических вариантов в зависимости от возраста говорящих (средние показатели). Условные обозначения: I — родившиеся до 1909 г., II — 1910—1919 гг., III — 1920—1929 гг., IV — 1930—1939 гг., V — 1940—1949 гг., 1 — средняя распределения форм *опротивят*, *обессилю*, *выздоровею*; 2 — глагольные формы настоящего времени с накоренным ударением (типа *дружишь*); 3 — глагольные формы прошедшего времени с накоренным ударением (типа *нашёл*); 4 — формы существительных в предл. падеже ед. числа (типа *в снегу*); 5 — формы существительных в им. падеже ед. числа с флексией *-я (-я)*; 6 — личные формы глаголов с основой на *-ај-* (типа *капают*); 7 — формы существительных в род. падеже ед. числа с флексией *-у* (типа *сыру*)

ниям? Нет, не противоречат. Дело в том, что средние цифры в данном случае не показательны, так как конкуренция рассматриваемых флексий обусловлена лексико-семантическим фактором: в распределении одних форм на *-я* — преимущественно это существительные со значением предмета (названия машин, механизмов и т. п.) — их частота в о з р а с т а е т, в распределении других (например, форм от существительных со значением лица), напротив, у б ы в а е т.

Тенденция к уменьшению употребительности форм с флексией *-я (-я)* и, с другой стороны, к увеличению процента форм с флексией *-ы (-у)* именно в группах молодых носителей языка может быть объяснена, по-видимому, большим влиянием на них книги и книжной речи (в данном случае флексия *-ы (-у)* — носитель книжности): представители 5 и от-

части 4-й возрастной групп — в большинстве своем учащиеся и, следовательно, роль и авторитет книги, учебника в их языковом поведении достаточно высоки.

3. Социально-профессиональные различия. То, что речь людей различается в зависимости от их социального статуса, было замечено давно¹⁶. Чаще других подчеркиваемое противопоставление языка города языку деревни — это противопоставление не только территориально, но и, в значительной мере, социально контрастных языковых черт. С другой стороны, и внутри городских и сельских социумов можно выделить разновидности языка, обусловленные различиями в социальной характеристике говорящих. Недаром и сам литературный язык традиционно определяется как язык образованных слоев населения (преимущественно городского)¹⁷.

Исходя из того, что социальные различия говорящих сказываются в выборе ими языковых вариантов, мы разбили совокупность носителей русского литературного языка на такие слои и группы (в зависимости от социального статуса и профессии): слой рабочих [обследованию подвергалась только одна группа рабочих, отвечающая выдвинутым критериям (см. выше) — лица, имеющие образование не ниже среднего], слой служащих, включающий различные профессиональные группы людей, имеющих среднее образование¹⁸, и слой интеллигенции.

Интеллигенция является основным носителем литературного, нормированного языка. Поэтому естественно, что в нашей выборке представители интеллигенции количественно преобладают. Они поделены нами — такое деление, как это очевидно, существенно с лингвистической точки зрения — на две группы: лица филологических профессий (в таблицах — «филологи») и лица нефилологических (технических, естественно-научных и др.) профессий («нефилологи»).

Как показывают данные табл. 5—10, распределение произносительных и морфологических вариантов в некоторой степени обусловлено различиями в социальном положении говорящих. При этом наблюдаются такие различия между группами. В одних случаях рабочие отличаются от всех других групп по количеству вариантов: так, средний процент вариантов с ассимилятивным смягчением согласного у них ниже, чем в произношении представителей интеллигенции и служащих. Это объясняется, по-видимому, тем, что на речевые навыки рабочих и, конкретно, на произ-

¹⁶ В отечественной лингвистике одним из первых обратил внимание на собственно социальную обусловленность языковых различий (в синхронном плане) И. А. Бодуэн де Куртене (см. написанное им в 1908 г. предисловие к «Блатной музыке» В. Ф. Трахтенберга: И. А. Бодуэн де Куртене, Избр. труды по общему языкознанию, II, М., 1963, стр. 161).

¹⁷ См., например: Е. Д. Поливанов, О литературном (стандартном) языке современности, «Родной язык в школе», 1927, 1; е г о ж е, Русский язык сегодняшнего дня, «Литература и марксизм», 1928, кн. 4; е г о ж е, Русский язык как предмет грамматического описания, «За марксистское языкознание», М., 1931.

¹⁸ Обсуждению различий между понятием «служащие» и «интеллигенция» посвящен ряд современных социологических работ (см., например: М. Н. Руткевич, Изменение социальной структуры советского общества и интеллигенция. «Социология в СССР», I, М., 1966; сб. «Классы, социальные слои и группы в СССР», М., 1968, гл. VII; С. А. Кугель, Изменение социальной структуры социалистического общества под воздействием научно-технической революции, «Вопросы философии», 1969, 3). Однако в этом вопросе социологи не пришли к какому-либо одному ясному решению.

В нашей работе принято понимание терминов «интеллигенция» и «служащие», отвечающее некоторым реально существующим различиям двух социальных слоев, в которых объединены люди, не являющиеся производителями материальных благ: различие в уровне образования и, отчасти в связи с этим, различие в характере труда (ср., с одной стороны, труд ученого, преподавателя вуза, архитектора, переводчика и т. п., и, с другой, — труд административного работника, делопроизводителя, чертежника, машинистки).

Таблица 5

Социальное распределение вариантов с мягким зубным перед мягким зубным¹

Социальная группа	Число информантов	Из них предпочитают мягкий вариант (в процентах)						Средний %
		[с'н']	[з'н']	[с'л']	[з'л']	[с'т']	[з'д']	
Рабочие	125	33,6	22,9	20,9	20,6	41,6	71,8	43,9
Служащие	500	37,8	28,5	23,2	27,0	42,4	71,8	51,9
Нефилологи	1000	36,7	31,8	26,3	26,1	41,9	71,6	49,7
Филологи	265	47,6	40,3	30,2	36,1	50,9	81,5	55,0

¹ Приводим данные лишь по некоторым сочетаниям. Средние показатели (см. последнюю колонку) характеризуют распределение всех исследованных в работе сочетаний «мягкий зубной + мягкий зубной».

Таблица 6

Социальное распределение вариантов с мягким зубным перед мягким зубным

Социальная группа	Число информантов	Из них предпочитают мягкий вариант (в процентах)					Средний %
		[д'в']	[т'в']	[з'в']	[з'б']	[с'п']	
Рабочие	125	21,5	9,8	25,3	17,2	15,4	17,8
Служащие	500	22,7	11,2	30,9	20,0	17,0	20,4
Нефилологи	1000	28,3	12,2	33,8	23,4	15,5	22,6
Филологи	265	35,9	12,4	37,4	21,9	19,2	25,4

Таблица 7

Социальное распределение вариантов с [ж']

Социальная группа	Число информантов	Из них произносят [ж'] в словах:				
		брызжет	визжать	дрожжи	дождик	дожди
Рабочие	120	39,0	45,9	55,1	21,6	13,7
Служащие	500	43,0	43,9	60,4	19,6	17,9
Нефилологи	980	39,9	40,9	56,2	22,6	16,8
Филологи	256	50,0	51,7	69,3	43,4	34,8

Таблица 8

Социальное распределение вариантов с [жы^в], [шы^в] на месте <жа>, <ша>

Социальная группа	Число информантов	Из них произносят [ы ^в] в словах				
		жара	ржаной	возака	шалаш	шаги
Рабочие	124	2,4	31,2	5,8	7,1	5,9
Служащие	494	6,4	33,9	9,0	5,9	6,8
Нефилологи	983	11,3	32,7	11,8	10,5	13,5
Филологи	259	19,8	51,4	20,0	20,0	20,5

ношение согласных перед мягкими согласными оказывает значительное влияние письменная форма языка; в группах же с более высокой речевой культурой влияние орфографии меньше (ср. данные табл. 5 и 6).

В других случаях достаточно резко противопоставляются всем остальным «филологи», т. е. лица, профессионально связанные с использованием слова. Речевые навыки этих людей включают наиболее «отстоявшиеся», освященные традицией языковые черты; явления же,

Таблица 9

Социальное распределение глагольных акцентных вариантов

Социальная группа	Число информантов	Из них предпочитают варианты:			
		на́мíl	оттíл	обн́ялся	подр́ужился
Рабочие	424	84,2	89,8	90,0	92,0
Служащие	896	83,2	87,1	82,5	88,5
Нефилологи	778	76,0	81,3	77,0	83,6
Филологи	341	72,0	78,9	76,2	84,0

Таблица 10

Социальное распределение морфологических вариантов (средние показатели)

Социальная группа	Число информантов	Из них предпочитают варианты (в процентах)			
		-у в род. п. (чаю и под.)	-у в предл. п. (в снегу и под.)	глагол. формы типа капает	глагол. формы типа выдворило
Рабочие	425	32,1	38,0	44,0	86,3
Служащие	905	34,4	42,0	37,1	81,2
Нефилологи	794	31,4	43,4	25,9	70,6
Филологи	334	40,5	47,0	22,2	67,3

идущие вразрез с традиционной нормой, получают здесь меньшее распространение (ср. таблицы 7—10).

Впрочем, как показывают наши данные, отмеченное контрастное различие «филологов» и всех остальных социальных групп проявляется непосредственно: лица филологических профессий как такие носители языка, которые наиболее чутко реагируют на новшества, иногда оказываются «впереди» других групп в использовании того или иного варианта.

Так, например, произношение *рекú*, по нашим данным, свойственно 32% филологов, тогда как среди обследованных рабочих так говорит меньше 30% — остальные предпочитают традиционное накоренное ударение; сходная картина — в распределении формы *бороздú* (40, 2 и 36,5% соответственно). Устаревающую глагольную форму *гаснул* употребляет почти половина рабочих и служащих (48,8 и 46,9%), а среди филологов таких людей меньше одной трети, остальные же (71,7%) употребляют более новую форму *гас*.

Можно сказать, что в речевом поведении представителей филологической интеллигенции взаимодействуют две разнонаправленные тенденции: к сохранению традиционных языковых средств и к дифференцированному принятию новшеств.

Незначительность количественных расхождений между группами в использовании подавляющего большинства исследованных нами вариантов косвенно указывает на то, что в современном обществе языковые различия, обусловленные неодинаковостью социального статуса говорящих, невелики и, по-видимому, испытывают тенденцию к дальнейшему уменьшению¹⁹. Этот процесс может быть поставлен в связь с процессами со-

¹⁹ Ср. вывод, к которому, на основе собственных наблюдений, а также результатов, полученных другими исследователями, пришел Дж. Фишман: тенденция к уменьшению социальных и социально обусловленных языковых различий свойственна высшим и средним классам буржуазного общества (т. е. носителям литературной формы национальных языков), тогда как в низших классах действует тенденция к сохранению таких различий (см.: J. A. Fishman, *The sociology of language: an interdisciplinary social science approach to language in society*, «Advances in the sociology of language», ed. by J. Fishman, The Hague — Paris, 1971, стр. 284).

циального характера: тесными контактами между различными общественными слоями и группами, социальным перемешиванием, интенсификацией так называемой «вертикальной» мобильности (главным образом «снизу вверх») и некот. др. Немаловажное значение имеют и такие, казалось бы, «внешние» для языка факторы, как доступность высшего образования и, в связи с этим, всех видов профессий в принципе для любого члена нашего общества.

Этому фактору принято приписывать одностороннее действие: повышение культурного уровня всех слоев общества, приобщение к культуре и, в частности, к литературному языку выходцев из крестьянских и рабочих семей. Однако существенна и другая сторона: воздействие культурных и языковых черт, присущих представителям этих слоев, на ту среду, к которой они приобщаются и которую, в некотором отношении, они сами формируют: современная советская интеллигенция в значительной мере состоит из интеллигентов в первом и втором поколениях. Это воздействие, в частности, способствует уменьшению в литературной речи традиционных вариантов и облегчает распространение и укрепление в ней новых вариативных средств.

*

Рассмотренные в этой статье три вида социально-языковой зависимости в распределении вариантов (территориальная, возрастная и социально-профессиональная) позволяют сделать некоторые выводы.

Во-первых, обнаруживается, что явление вариативности локализовано лексически: вариантность не характеризует в равной мере все лексемы, в которых она реализуется; чаще всего она актуальна для отдельных форм слова, а не для всей его парадигмы. Этим фактором — лексической локализацией — объясняется и неравномерность распределения однородных в фонетическом или морфологическом отношении, но лексически разных вариантов: амплитуда колебания показателей нередко очень значительна (ср. табл. 3, 7, 8, 9).

Во-вторых, на характер распределения вариантов оказывают влияние их собственные лингвистические свойства: а) стилистическая контрастность/неконтрастность вариантов (составляющих пару или ряд); б) равновесность/неравновесность²⁰ членов одной и той же вариативной пары по частоте (в нашей выборке); в) употребительность членов вариативной пары в речи (частотность).

Эти факторы, по нашим данным, влияют на распределение вариантов следующим образом: наибольшим социальным колебаниям подвержено распределение стилистически контрастных равновесных вариантов, являющихся словоформами употребительных в речи лексических единиц.

В-третьих, рассмотренные характеристики носителей языка — территориальная, возрастная и социально-профессиональная — в неодинаковой степени обуславливают распределение вариантов: они различаются по силе (т. е. по тому, насколько велики колебания в показателях между социальными группами) и д и а п а з о н у (т. е. по тому, распределение какого числа вариантов, реализующих данное вариативное явление, зависит от данной социальной характеристики). Наиболь-

²⁰ Равновесными мы называем варианты, показатели распределения которых колеблются в примерно одинаковых границах: так, если распределение и того, и другого члена вариативной пары находится в пределах 40—60% (разумеется, с колебаниями показателей в разных социальных группах), то такие варианты равновесны; если же один вариант составляет 80—90%, а второй (соотносительный с ним) — 20—10%, то такие варианты неравновесны.

шей силой и более широким диапазоном обладает географический признак: распределение вариантов в значительной степени обусловлено территориальными различиями носителей литературного языка. На втором месте — возрастные различия, на третьем — различия в социальном положении.

В-четвертых, если сравнивать характер воздействия этих признаков на распределение фонетических и распределение морфологических вариантов, то можно наблюдать такую закономерность: число релевантных социальных признаков и их воздействие (= лингвистическая значимость) на распределение фонетических вариантов больше; распределение морфологических вариантов в меньшей степени обусловлено различиями в социальной характеристике говорящих ²¹.

²¹ Следует указать, что в распределении словообразовательных вариантов, которые также были исследованы в нашей монографии, эта обусловленность еще меньше. В связи с этим возникает предположение о том, что социальному варьированию подвержены в первую очередь автоматизированные (неконтролируемые в процессе коммуникации) речевые навыки; произносительные навыки являются как раз такими.